

НЕСУТОЧНАЯ

любовь

Шутки кончились.
Чувства остались

БЕТТИ КОРРЕЛЛО

Бетти Коррелло

Нешуточная любовь

Серия «1001 история о любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73895477
ISBN 978-5-04-246793-6

Аннотация

Шутки кончились. Чувства остались.

Что делать, если твоя жизнь – готовый стендап, но совсем не смешной?

Дельфина сбежала из Эвергрена в восемнадцать. Став комиком, она получает приглашение на крупнейший фестиваль стендапа, но в один день теряет буквально все: парня, работу и квартиру. Ей приходится вернуться в свой родной городок у океана, где ее ждут призраки детства и Эдди Родригес, который смотрит на нее совсем не так, как десять лет назад.

Теперь у Дель всего 45 дней до выступления на фестивале. И ни одной шутки. Зато есть шанс написать не только новый текст, но и собственную историю.

Идеально для тех, кто любит тропы «второй шанс» и «отец-одиночка», а также роман «Все сложно» Тары Девитт.

«Эта книга – настоящий солнечный луч: яркая, живая; я прочитала ее на одном дыхании. Бетти Коррелло пишет

так, что смех и боль существуют бок о бок – и это совершенно обезоруживает. Идеальное чтение для лета – впрочем, и для любого другого времени года. Гарантированно вызывает непреодолимое желание съесть пончик в сахарной пудре и познакомиться с каким-нибудь симпатичным папой-одиночкой» – Рэйчел Линн Соломон, автор бестселлера «Подкаст бывших»

Бетти Коррелло – писательница, юмористка и гордая жительница Филадельфии. Несмотря на внешнюю твердость, биологически она на девяносто пять процентов состоит из зефира. Ее главная страсть – писать истории, в которых противоположности притягиваются, а любовь – выбор, а не судьба. Когда она не пишет, ее можно застать за размышлениями о нишевых и зачастую забытых исторических событиях и за поглаживанием своей крохотной собачки. «Нешуточная любовь» – ее первый роман.

ВТОРАЯ книга в новой серии «1001 история о любви». В этой серии вы найдете все, что заставляет сердце биться чаще: от легких и смешных романтических комедий до глубоких и чувственных драм. Каждая книга – это ваш билет в новый мир, где любовь всегда побеждает.

Содержание

1. Куинс, Нью-Йорк	7
2. АЗС «Вава» – съезд номер 30	18
3. Четырнадцать лет назад Сентябрь, первый год старшей школы	24
4. Мемориальный собачий пляж имени мэра Полларда	32
5. Крестфоллен-лейн, 507	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Бетти Коррелло

Нешуточная любовь

Betty Corrello

SUMMERTIME PUNCHLINE

Copyright © 2024 by Betty Corrello

All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Татьяны Чамата*

Иллюстрация на обложке *Полины Мерунки*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Deemka Studio / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

© Чамата Т., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Всем скитальцам, нашедшим эту книгу.
Надеюсь, она скрасит ваш путь домой.*

*Ты была так прекрасна, я был таким
странным.*

*Ты стала прекрасней, я – лишь странней.
Мэтт ДэйКаро – Hot One Weird One*

1. Куинс, Нью-Йорк

Худший день в моей жизни начался довольно обычно: Мисти – соседка, с которой я снимала квартиру, – распахнула дверь моей спальни и раскидала километровые конечности по тесной комнатушке, где я жила.

– Ой, ну и запах тут у тебя!

Кое-как продрав заспанные глаза, я поморгала и убрала с лица короткую растрепанную челку.

– Чего тебе?

– Крутая футболка, – сообщила Мисти с натянутой сдержанностью серийного убийцы. Вчера я отрубилась прямо в рабочей форме – футболке с логотипом ирландского паба и комедийного клуба «Гимбли» и черных легинсах. Как пришла, так и повалилась на чистое белье, которое не меняла с выборов в двадцатом году. Сначала две смены в зале, потом четыре часа «открытого микрофона», который пришлось вести, – в общем, двенадцать часов на ногах давали о себе знать. Даже бедра болели.

– Чего надо? – простонала я, переворачиваясь на спину и нашаривая телефон. Ингрэм наверняка меня потерял. Мы встречались три месяца, и я до сих пор не привыкла к постоянному собеседнику, которому нравится со мной общаться.

– Во-первых, через два часа приедут фотографировать гостиную, так что исчезни, пожалуйста. Во-вторых, ты вчера

оставила кружку в раковине, и все бы ничего, но мы вроде это уже обсуждали? А, и почту принесли. – Она бросила письма на заваленную тумбочку, крутанулась на цыпочках и потанцевала к двери. Пусть на жизнь она зарабатывала мелким бложиком, где рассказывала о дизайне интерьеров, сердце ее принадлежало балету.

– Спасибо, – сказала я, а потом все-таки приняла вертикальное положение и взглянула на время. Десять утра. Пять часов проспала. Неплохо.

Я взглянула на себя в зеркало, стоящее напротив кровати, и зарылась пальцами в волосы, придавая растрепанному каре до подбородка чуть более нарочито небрежный вид. Потом стерла тушь, засохшую под глазами, и разгладила щеки, убирая следы от подушки. Послушать Мисти, так я была какой-то горгульей, охраняющей кучу дохлых голубей посреди Таймс-сквер. Но я была вполне обычной женщиной, относительно привлекательной, с обычным телом – как там подростки говорят: средних габаритов, как хороший такой хетчбэк? Мисти же была жилистой блондинкой с рыжим искусственным загаром, собирающей блестящие волосы в низкий пучок. Она жила под гнетом вечно меняющихся трендов и доводила себя до изнеможения попытками угнаться за рынком, который то ли хотел довести ее до нервного срыва, то ли, не знаю, до смерти.

Неудивительно, что она меня ненавидела – сама ведь из шкуры вон лезла.

Зевнув своему отражению, я выбралась из кровати и отправилась искать чистую майку и любимые летние брюки, уже составляя мысленный список дел.

Нужно было смотаться в Адскую кухню¹, но сначала заехать на почту и отправить Сэм, лучшей подруге, подарок на день рождения. Потом заглянуть к Сайрусу и распечатать с его ноутбука приглашение на стендап-фестиваль «Брэйнвейв».

«Брэйнвейв»! Мысль всплыла, пока я завязывала шнурки, и я замерла, переваривая ее. *Я ехала на «Брэйнвейв».* В голове не укладывалось. Тысячи комиков подавали туда заявки, а взяли меня.

Меня, Дель Сильву-Миллер, позвали участвовать в таком фесте! «Брэйнвейв» проходил в Ванкувере раз в год, и неоднократно там начинали – и заканчивали – свои карьеры профессиональные комики. Отчасти поэтому я вчера осталась вести открытый микрофон. Это был мой прощальный подарок «Гимбли», мой бон вояж. Четыре года работы – и я официально уволилась. Знаю, пошла на риск, но до фестиваля оставалось всего сорок пять дней, а материал нужно было успеть отработать.

Решение уйти из «Гимбли» далось мне нелегко. Увольнение стало печальным, но вместе с тем радостным финалом ситкома, полного начинающих комиков и прожженных работников кухни, закатывающих на нас глаза. Я работала там

¹ Адская кухня (Hell's Kitchen) – район Манхэттена в Нью-Йорке.

с двумя лучшими друзьями, Сайрусом и Такером, и, несмотря на говенное начальство, пропахшую плесенью кухню и кучу блевотины, которую приходилось убирать, атмосфера в «Гимбли» царила незабываемая.

Но мне нужно было довести программу до идеала. У меня появился последний шанс воплотить в жизнь мечту, пересадить ее в новый горшочек, как цветок из продуктового, и дождаться цветения. С двадцати лет я стремилась к этой жизни, и наконец-то у меня появился счастливый билет.

Я оглядела свою захламленную комнатушку в поисках сумки и ключей. Нельзя сказать, что я сильно старалась украсить пространство, в котором живу, но безделушки накопились сами собой: над кроватью висела драпировка с солнечными лучами, книжный шкаф обвивали гирлянды, плачущий керамический клоун по имени Бастер навеки застыл в бодром прыжке, сжимая в руках пучок разноцветных шаров. Те включались, отбрасывая радужные красно-сине-желтые блики на потолок моей спальни, но его это нисколько не радовало. Скорее наоборот – и шарики, и огромные красные ботинки, и веселый колпак на голове были для него тяжким бременем, даже проклятием.

У нас с Бастером было много общего.

Выхватив ключи из-под Бастера, я перекинула сумку через плечо, готовая покорять удушающую влажную жару августовского Нью-Йорка.

С этими мыслями я и нырнула в кристально чистое озеро

моего будущего. Тогда я еще не знала, что кое-кто умудрился его осушить.

С Ингрэмом мы познакомились на открытом микрофоне в «Гимбли». Обычно официанты терпеть не могли работать под несмешную болтовню комиков, но я ждала этих смен всю неделю. Столько нервничающих новичков с потными ладонями – и все только и думали, как бы поскорее и посильнее напиться.

Ингрэм сидел в первом ряду за маленьким столиком с красной свечкой по центру, скрестив ноги и подперев голову рукой. Он не сводил с меня глаз все выступление. Как будто хотел рассмеяться, но сдерживался. Я бы не заметила, если бы не его глаза – ярко-зеленые, почти что кошачьи. В ослепляющем свете софитов они поблескивали заговорщической нежностью, будто у нас уже появился общий секрет.

После выступления, открывая новую упаковку пива для пивной башни, я подняла голову – и увидела его за баром. Он сидел, все так же подперев рукой голову, с такими же мерцающими глазами.

– А ты забавная, – сказал он абсолютно спокойно, и его губ коснулась озорная усмешка.

Я выгнула бровь.

– Ого, вот спасибо.

– Я серьезно. – На голове у него была нахлобучена до смешного нелепая рыжая шапочка. И все равно он притяги-

вал.

Я закрыла диспенсер и наклонилась к нему, опираясь локтями на барную стойку.

– Чего желаешь? «Дайкири»? Хот-дог? Особое предложение – два по цене одного. Хочешь узнать почему?

Усмешка на его губах расцвела, и он постучал о барную стойку серебряным перстнем, надетым на большой палец.

– Не хочешь поужинать вместе?

За спиной раздался хрип Сайруса, будто в рот ему залетела муха.

И я согласилась на ужин.

Мы с Ингрэмом оказались выходцами из разных миров. Его отцу принадлежала крупнейшая в Канаде фирма, предоставляющая кабельное телевидение, а мама была французской моделью. Он вырос между Швейцарией и Альбертой и частенько рассказывал о себе факты, которые не укладывались в голове. Рождественские поездки на лыжные курорты, конная ферма в Арубe, дальний родственник по имени Тьерри. Его привлекал мой джерсийский акцент и восхищали мои огромные сиськи. Свадьбы я от него не ждала. Я в целом не рвалась вступать в отношения.

Я думала, что все понимала.

Думала, что между нами все очевидно.

Но когда я вышла из метро на Сорок девятой, слушая в наушниках любимую песню, оказалось, что не думала я совсем.

Я могла бы предупредить его, позвонить или написать, что зайду, но по дороге к Сайрусу вспомнила, что забыла у Ингрэма очень важные тапочки. Его квартира была по пути – почему бы не заглянуть? Мы же встречались.

Я вставила ключ – тот самый, который он дал мне, – в замочную скважину и повернула. Дверь, щелкнув, открылась.

Ингрэм был дома. В своей рыжей шапочке. У Мисти между ног.

Долгие годы в моей жизни была всего одна цель: *никогда и ни за что* не возвращаться в Эвергрин, штат Нью-Джерси.

Но когда я набросилась на Ингрэма с Мисти, которых застала за оральным сексом в позе, слишком сложной для моего простого ума, время замедлилось. Все вокруг двигались со скоростью звука: Мисти метнулась за вязаным топом, Ингрэм резко обернулся, чуть не потеряв шапочку, со второго этажа отчаянно заорал его кот Чеддер. Глянцевые белые стены квартиры сжимались, и мой разум застыл, как поверхность замерзшего озера. Мысли, кружась в сыром воздухе, опускались на него тающими снежинками.

«Мисти». Кап.

«Ингрэм и Мисти». Кап.

«Я уволилась». Кап.

«Придется съезжать». Кап.

«А жить-то мне теперь где?» Кап.

«Господи». Кап.

«Придется ехать домой».

Кан.

Пока я моталась из Адской кухни в Куинс и обратно, духота достигла своего предела, и свинцовое небо разверзлось, обрушившись летним ливнем. Выйдя из метро в ночь, я мгновенно промокла и провоняла горячим асфальтом.

В голову пришла шутка, что Аланис Мориссетт из меня выходит лучше, чем из самой Аланис². Хотелось достать блокнот и записать ее, превратить реальность моей жизни в сардоническую безболезненную историю. Но голова раскалывалась, а горло саднило от криков на Ингрэма. Я плакала навзрыд, задыхаясь как ребенок, набегавшийся в парке развлечений.

Спрятавшись под козырьком подъезда Сайруса, я ткнула в звонок и не отпускала, пока не побелел мокрый от дождя кончик пальца. Тишина. Никакого ответа, даже не затрещал домофон.

– Сайрус! – крикнула я, задрав голову к окну. Он не выглянул, и я позвонила еще раз. – Сайрус, открывай!

В ответ загрохотал гром.

Бросив чемодан и гитару у двери, я отошла на пару шагов. Сайрус жил на втором этаже кирпичного дома в стороне от дороги. Для вечера пятницы на улице было слишком уж ти-

² Аланис Мориссетт – известная канадская певица, чья музыка часто затрагивает темы личных переживаний и эмоций.

хо. Зловещее безмолвие нарушал только шорох машин, едущих по лужам, и, разумеется, мои вопли. В гостиной Сайруса горел свет, и я знала, что его смена закончилась уже сорок минут как.

«Какого хрена он меня игнорит?»

Вытащив камушек из цветочного горшка у двери, я прицелилась и запустила его в окно, откуда он отскочил с приятным сердцу звоном.

– Сайрус!

Тут же окно распахнулось, и я вздохнула с облегчением, заметив знакомую копну блестящих черных волос.

– Какого х... Дель?!

– Сайрус, я тебя сколько уже зову, – пропыхтела я, размазывая руками над головой, чтобы он точно ни на что не отвлекся. – Ты меня слышал?

– Э... да. – Он быстро оглянулся через плечо и свесился из окна сильнее. – Слышал. Ты раз тринадцать в дверь позвонила.

– Знаю, прости, – поспешила объяснить я. – Я застала Ингрэма с Мисти, а я даже не знала, что ему нравятся блондинки. Можно сегодня перекантоваться у тебя?

Сайрус заморгал.

– У меня?

– Пожалуйста. – Я сложила ладони в мольбе. – Я его у нее между ног застучала. Такая мерзость, я теперь никогда сексом заниматься не буду, и мне негде жить, и я так устала,

а ночных автобусов в Эвергрин нет, и...

Он вдруг уставился на меня с тоской, такой расстроенный, будто я физически ему врезала. «*Ну пожалуйста, умоляю*», – взмолилась я мысленно. Он провел рукой по волосам.

– Прости, не получится.

– Ты слышал, что я сказала? – Снова захотелось рыдать. – Между ног! Жить негде!

– Дель... – Он нервно оглянулся через плечо, а потом перегнулся через оконную раму и посмотрел мне прямо в глаза с высоты второго этажа. – Я тебя люблю и ценю нашу дружбу, но у меня дома девушка, и, пожалуйста, забудь, что я это сказал, но ты слишком горячая, чтобы пустить тебя переночевать.

Я возмущенно всхлипнула.

– Фу!

– Да уж да, блин! – Он хлопнул рукой по подоконнику и возвел глаза к небу. – Если я тебя пушу, она подумает, будто я напрашиваюсь на групповуху.

– Ты бросишь меня умирать на улицах Манхэттена, потому что я «слишком горячая»?

– Господи, Дель. Знаешь что... – Дождь прекратился, и мне было прекрасно видно, как он роется в карманах, а потом вытаскивает оттуда брелок. – Вот. Возьми мою машину. Пользуйся сколько хочешь. Можешь в ней переночевать, можешь уехать – как хочешь.

– Чего?

Он помахал ключами у меня над головой.

– Она на парковке у моста. Ну, знаешь, какая у меня машина.

– Болотный «Хёндай», – тихо сказала я.

– В точку. Теперь это твой болотный «Хёндай». – Он бросил ключи. Я поймала их прежде, чем они оказались на тротуаре. – Прости, пожалуйста, но у меня сто лет не было секса. Мне прям нужно.

Я уставилась на связку металла в ладони. Брелок с номером машины болтался на кольце.

– Да ладно. Не извиняйся. – Я крепче сжала ключи и вытерла слезы тыльной стороной ладони. – Спасибо.

Сайрус серьезно кивнул, помахал мне рукой и скрылся в квартире. Я услышала нервный смех и оклик:

– Ну как тебе ванная?

Неудивительно, что ему не давали.

Закинув гитару на плечо, я взяла чемодан и вцепилась в ключи стальной хваткой. Вот она, моя последняя опора.

Я очень устала, промокла и расстроилась. Вся моя жизнь превратилась в минное поле.

2. АЗС «Вава» – съезд номер 30

– Ты ночевала в машине? – Голос Ба отдался в трубке ЭХОМ.

Это было новое дно – даже для меня, женщины двадцати восьми лет в самом расцвете сил, которую однажды описали как «депрессивную фанатку «Грейтфул Дэд»³, бросившую художку». Якобы такой у меня был вайб.

Но да, так все и было. Я ночевала в машине. В болотном «Хёндае» с липким рулем и пыльной торпедой. Что можно было использовать как в качестве оправдания, так и в качестве очередного доказательства, что в плане менталки у меня все не супер.

Переложив телефон в другую руку, я включила поворотник, свернула на заправку и остановилась у свободной колонки. До Эвергринга официально оставалось десять минут, и я как раз заканчивала рассказывать бабушке о том, что случилось со мной за последние сутки.

– Я же не собиралась. Просто так получилось.

– Почему ты сразу не позвонила? – в ужасе спросила она.

– Ба, – сказала я, разозлившись. – Забей, ладно? Лучше сосредоточься на том, что мой парень переспал с моей соседкой. – Стиснув зубы, я раздраженно дернула колтун на

³ Grateful Dead (дословно: «Благодарные мертвецы») – американская рок-группа, основанная в 1965 году в Сан-Франциско.

затылке. – Я живая, скоро буду дома.

Она замолчала. На фоне работал телевизор, – местный адвокат драл глотку, призывая немедленно действовать, – так что трубку она не повесила. Ну это пока не узнала об увольнении.

Ба воспитывала меня с самого детства, и я, как и любой преданный ребенок, больше всего на свете боялась ее разочаровать. Она всю жизнь мне посвятила. От меня требовалось только с достоинством есть ее сомнительное печенье на Рождество и не лажать как лохушка.

Наконец она тихонько спросила:

– Это она тебя выгнала, солнце?

– Нет, – ответила я. – Сама ушла. – Я вспомнила слишком уж узенькие и слишком уж беленькие боксеры Ингрэма и то, как он прижимал к груди подушку с видом возмущенной красавицы, и вцепилась в руль крепче. – Лучше воды из залива нахлебаться, чем с ними торчать.

Кем я была для него? Этот вопрос не давал покоя все сто сорок четыре километра. Чего он хотел? Новых ощущений? Веселья? Чтобы потом было что рассказать? Или я была очередной галочкой в длинном списке женщин разных типажей и комплекций? Я же видела, как он смотрел на меня. Не в ужасе от того, что разрушил прекрасные отношения и упустил лучшую женщину в своей жизни.

Нет, Ингрэм был недоволен, что я не дала ему с удовольствием провести пятничный вечер.

Я выбралась из машины и захлопнула за собой дверь – возможно, чересчур громко. Плевать на неписанные законы Нью-Джерси – сегодня я буду заправляться сама.

Мисти могла забирать все – и Ингрэма, и квартиру, которую я даже за дом не считала. Я была слишком гордой, чтобы продолжать с ними общаться. Слишком много яда текло в моих венах. Даже одной мне не было так одиноко, как с ними.

– Ну и правильно, – заявила Ба, в голос которой закралась гордость. – Ты – Сильва. Это все горячая сицилийская кровь.

Я воткнула пистолет в бак.

– Это из-за нее я столько потею?

На побережье Нью-Джерси было далеко не так душно, как в Нью-Йорке, но солнце все равно припекало, нагревая черный асфальт, жар от которого обжигал через легинсы. Легкий теплый ветерок под навесом бензоколонки овеивал шею. Я прислонилась к машине, наблюдая за непрерывным потоком посетителей АЗС – странной мешаниной из местных жителей в шлепанцах и красных толстовках и бледных туристов в панамках.

– Нет, это все высокое давление со стороны отца. – Она выразительно кашлянула. – Во сколько будешь дома? Могу что-нибудь приготовить или пиццу закажем? Или можем сходить в кафе. У них какой-то новый бургер с креветками.

Пистолет щелкнул, и я отстранилась от машины.

– Как хочешь. Но платишь ты.

– Ох, да ну тебя... – Ба принялась рассуждать, что вообще представляет из себя бургер с креветками, но в этот момент дверь магазина открылась, и на улицу вышел мужчина в солнцезащитных очках-авиаторах.

Я заметила его вовсе не из-за крепких рук и не из-за полных губ кирпичного цвета. Даже не из-за скул, высоких и острых, и не из-за линии челюсти, от которой разрыдался бы сам Караваджо.

Нет. Я заметила его из-за роста. Он был обалденно высоким – не двухметровым, но достаточно, чтобы взгляд зацепился. Мне кажется, если бы он сейчас подошел, выдернул пистолет прямо из бака и сказал убираться, я бы ответила только: «Да-да, конечно».

Он излучал власть.

Я чуть не выронила телефон. Мужчина, зажав банковскую карту зубами, пытался запихнуть бумажник в карман и попутно не выронить две бутылки с водой. Между его бровей залегла складка, которая, казалось, была там всегда, что только добавляло ему внушительности.

– Я пойду, Ба, – перебила я ее где-то посреди монолога о структурных различиях сэндвичей и сабов. Отключилась сразу – не стала даже дожидаться, пока она попросается.

Мужчина дернул головой в мою сторону, и я машинально спряталась за колонку. Не хотела попадаться на глаза такому красавчику в таком виде. Он бы и так меня за половину парковки учуял, стоило только принюхаться.

Из своего укрытия я видела, как он обернулся к подошедшим знакомым. Они болтали и хохотали, а я в это время могла спокойно любоваться его затылком. У него была одна из тех стрижек, которые созданы сводить с ума женщин – по бокам короткие волосы, сверху – чуть длиннее, чтобы можно было хорошенько схватиться. Ну, если выпадет случай.

Сквозь мягкую копну темных кудрявых волос пробивалось солнце, выхватывая отдельные завитки. Я бы расхохоталась, если бы не отпавшая челюсть. В Эвергрин вообще захаживали такие красавцы? Такое ощущение, что он ехал на съемки рекламы парфюма в дорожный магазин, но заплутал на автомагистрали Гарден Стейт Парквэй и свернул не туда.

Красавчик все еще пытался засунуть в карман бумажник, и рукав его футболки то и дело задирался, открывая цветные линии татуировки и крепкие мышцы. Он был мускулистым с практической точки зрения – как человек, постоянно таскающий тяжести. По рукам было видно. По костяшкам. Они были прямо-таки квадратными. Острыми, как и челюсть.

Тащиться по костяшкам – это нормально? Мне бы сейчас не помешало мнение четырех из пяти специалистов.

Я пригладила волосы и поправила солнцезащитные очки, скрывая перепачканные тушью глаза.

Какое уж тут «нормально». Меня вообще сложно было назвать нормальной – последние двенадцать часов тому доказательство. Пора было смириться с цирком уродов, в который превратилась моя жизнь. Приспособиться. Жонглиро-

вать научиться. Отрастить хвост. Купить полосатый шатер...

Мои планы разрушил самый привлекательный мужчина в Нью-Джерси: он обернулся, только уже без очков – они теперь свисали с ворота футболки, открывая лицо.

– О господи, – прохрипела я. Громко. Как выброшенный на берег морской лев, стонущий от боли.

Мужчина посмотрел на меня. Я, зажав рот ладонью, крутанулась на месте и прижалась к машине.

– Нет, – прошипела я. – Нет, нет, нет.

Только не это.

Быть того не может.

Только не он.

3. Четырнадцать лет назад Сентябрь, первый год старшей школы

Еще ни разу учебный год не начинался с такой холодрыги, и сложно было не воспринимать погоду как предзнаменование того, что ждет меня в школе. Пришедший с берега туман окутывал джип Ба и всю парковку старшей школы округа Малага. Мимо пронесся «Фольксваген Жук», подрезав Ба и неловко затормозив на пару мест дальше.

«Ничем хорошим это не кончится, точно».

Подождав, пока бабушка выскажет все, что она думает по этому поводу, я повернулась к ней и призналась:

– Заранее ненавижу школу. Все будут меня дразнить и обзывать йети.

– Дельфина Мари, – с укором сказала Ба, убирая помаду от «Клиник», которой подкрашивала губы, глядя в зеркало заднего вида. – С чего ты так решила?

– Да ты на них посмотри, мам. – Я ткнула пальцем в стекло, указывая на группу нервных четырнадцатилетних мальчишек, столпившихся у широких высоких ступеней, ведущих ко входу в школу. – Они же как палки.

Она наклонилась к окну и прищурилась.

– Не кормят их, что ли?

– Дохлые. Тошние. Коротышки. – Я вжалась в кресло, надеюсь как-то укоротить свои сто семьдесят два сантиметра. На мне были надеты узкие джинсы «Юная леди» из супермаркета и футболка «Айрон Мэйден»⁴, найденная в секонд-хенде. Ба не разрешала стричь волосы, поэтому они были собраны в длиннющую толстую косу, а лоб обрамляли жесткие черные кудряшки.

– Ты прекрасно выглядишь. Вылитая Джин Тирни⁵. – Вот постоянно она так говорила. Не знала я никакой Джин Тирни!

– Да кому она нужна? – проныла я, прижимая к груди свой ланч-бокс. – Всех волнуют Пэрис Хилтон и Линдси Лохан.

– Линдси? Пэрис? Вот уж кого точно не кормят.

Я, не выдержав, улыбнулась. Вот умела же Ба рассмешить, когда хотелось только трагически дуться, потрясая кулаками в праведном гневе.

– У тебя только еда на уме. Если бы не я, в пончик бы уже превратилась.

– Что за ребенок обожает морковку? – Она ласково мне улыбнулась и провела большим пальцем под глазом, стирая размазавшуюся подводку.

– Не забывай, ты обещала свозить меня в магазин после

⁴ Iron Maiden – британская хеви-метал-группа, основанная в Лейтоне, Восточный Лондон, в 1975 году.

⁵ Джин Тирни – известная актриса 1940-х годов, которая славилась своей красотой.

школы.

– Солнышко, если доктор Москоу задержится, мне тоже придется, а потом еще ужин готовить...

– Ба, ну пожалуйста, – сказала я, с трудом сдерживая эмоции. – У Джима Гэффигана⁶ вышел новый стендап, я хочу хоть раз целиком прослушать...

– Ох, давай без упрасиваний, у меня изжога от них обостряется. – Она коснулась моей щеки холодной ладонью. – Сейчас найдешь себе новых друзей. Может, даже парня.

– Бу. – Наклонившись, я чмокнула ее в щеку. От нее пахло пудрой и розовой водой. – Чао.

– Чао, – ответила она, когда я вылезла из машины. – Будь умницей!

По всему кампусу были расставлены указатели, направляющие первогодок к северо-восточному входу, и к тому времени, как я добралась до лестницы, которую заметила из машины, толпа увеличилась в четыре раза.

Все вокруг оживленно переговаривались – обменивались новостями за лето, знакомились, даже смеялись. И все это под крики мужчины с русыми усами и планшетом в руках, который стоял на ступеньках раскинув руки и пытался выстроить всех нас в единую очередь.

⁶ Джеймс Кристофер Гэффиган – американский комик, актер, сценарист и продюсер. В его материалах часто затрагиваются темы отцовства, лени, еды, религии и общих наблюдений. Гэффигана считают «чистым» комиком, использующим мало ненормативной лексики в своих выступлениях.

Я встала с краю, чтобы не отрезать себе путь к отступлению. В паре метров передо мной невысокий парень опирался на огромный футляр странной формы, обклеенный наклейками с логотипами разных групп. Голову его прикрывала бейсболка, надвинутая на лоб, из-под которой торчал пушистый хвостик.

– «Дрим Театр»⁷, – выпалила я вместо приветствия. – На футляре.

Мальчик медленно перевел взгляд с меня на футляр.

– А. Да. Я их, это, обожаю.

Я с умным видом кивнула.

– Папе они тоже нравятся.

Мальчик закивал. Так мы и стояли, дергая головами, как утки над зерном.

– А тебе они нравятся? – наконец спросил он.

– Ну, не знаю. Я больше «Дашборд Конфешенл»⁸ люблю, всякое такое.

– Фу, – с легкой уверенностью сказал мальчик. – Эмо – это для девчонок.

– Ничего подобного. Эмо вообще-то мировое движение.

– Точняк, – мгновенно переменял мнение он. – А про

⁷ Dream Theater – прогрессив-метал-группа из США. Основана в 1985 году тремя студентами музыкального колледжа Беркли.

⁸ Dashboard Confessional – американская эмо-рок-группа, основанная в городе Бока-Ратон, штат Флорида, вокалистом и гитаристом Крисом Каррабба в 1998 году.

«Тул»⁹ слышала?

Мимо пробежал старшеклассник, усыпанный алыми прыщами.

– Свежее мясо! Свежее мясо! – вопил он. Наши взгляды пересеклись, и он подмигнул мне с открытым ртом. Стало тревожно.

Я прижала руки к животу.

– Ну так, да.

– Вот! – Он «стрельнул» в меня пальцами. – Это настоящая группа.

– Хм. – Я сморщила нос. – Что-то фигня какая-то.

– А вот и нет.

– А вот и да. Все группы настоящие. Даже те, которые не для мальчиков.

Возражать он не стал, но судя по тому, как уставился на выложенную галькой каменную дорожку, я дала ему пищу для размышлений.

– Меня Эдди зовут, кстати.

– А я Дельфина, но лучше Дель.

– Первогодки тут собираются? – раздался тонкий голос, и мы с Эдди обернулись. За нами стояла кудрявая девочка сильно ниже меня. Несмотря на явный страх в голосе, улыбалась она во все тридцать два. На шоколадного цвета щеках

⁹ Tool – американская альтернативная метал-группа, образованная в 1990 году в городе Лос-Анджелес, штат Калифорния. Tool стали одной из самых известных прогрессив-рок-групп.

красовался розовый румянец. Мы с Эдди снова одновременно закивали.

– А дедовщина уже была? – спросила она.

– Чего-чего?

Девочка поправила тяжелый с виду рюкзак.

– Брат говорил, что всем первогодкам придется раздеться и переплыть через озеро.

Живущий в глубине души колокольчик мгновенно забил тревогу. По шее и ушам поползли нервные мурашки, наверняка оставляя за собой алый румянец.

– Да ну. Это незаконно, – сказал Эдди.

– Да, ваще, – поддакнула я без особой уверенности.

Девочка помрачнела.

– Обманул меня, значит, козлина!

Челюсть отвисла. Сама я никого «козлиной» не обзывала – хотя Ба очень любила это словцо, и уступало оно только «сукину сыну», – но пару раз очень хотела.

– Мой тупой старший брат сказал, что на уроки придется плыть. – Она оттянула горловину толстовки и показала купальник. Отреагировать я не успела – учитель с планшетом дважды хлопнул в ладони.

– Доброе утро! Добро пожаловать в старшую школу округа Малага. – Он широко улыбнулся. – Все готовы к лучшим годам своей жизни?

Школьная столовая была огромной. Столы стояли один за

другим, и повсюду сидели отдельные компашки друзей. Они были у всех, видимо, иначе сесть было бы попросту некуда. Так что или у тебя есть друзья, или ты остаешься голодным.

Обойдя столовую раз пять или восемнадцать, я заметила мальчика с хвостиком. Тедди, или как его там.

– Привет, – окликнула я, кивнув на свободное место рядом. – Можно сесть?

Он покосился на товарищей. Те смотрели в тарелки и хихикали.

– Ну...

– Ясно. – Я перекинула косу через плечо. – Забей.

– Так это... места не хватит, – бросил один из мальчишек. Все прыснули. Я стиснула ланч-бокс и посмотрела в глаза мальчику с хвостиком.

Он не смеялся – так, выдавил из себя пару сухих «ха-ха», чтобы никто не подумал, что он какой-нибудь нефор – или, что еще хуже, мой друг. До этого он нормально со мной общался, вынося мозги насчет группы, которую слушал мой дурацкий папаша. Почему-то это задело сильнее, чем все оскорбления, которые я себе навоображала, включая йети.

Я сощурилась.

– Серьезно? Ну ты и козлина. – Я отвернулась, но шаг спустя решила, что мне еще есть что сказать. – И да, кстати. «Дрим Театр» – полный отстой. Мой папа их слушает, а ему за сорок.

– У-у-у! – раздался хор голосов за столом, но я уже пошла

прочь.

«Задроты».

Небо, видимо, сжалилось надо мной, потому что секунду спустя я заметила кудрявую улыбчивую девочку, сидевшую за столиком у окна с видом на футбольное поле. Она обедала в одиночестве и в данный момент сражалась с пачкой сока, в которую никак не могла запихнуть соломинку.

– Привет, – пропела я, подбежав. – Не против, если я с тобой сяду?

Ее глаза загорелись.

– Не против? Да я только за! Умоляю, садись. А то я как дурочка тут.

Я села напротив.

– Ты? Да это тот пацан с хвостом – дурень. – Я достала из ланч-бокса помятый сэндвич с тунцом и бросила на стол. – Его друг меня жирной назвал, кажется.

– Фу, – протянула девочка, забрасывая в рот морковку. – Как первоклассник какой-то. Зато у тебя сиськи огромные, круто же!

Я улыбнулась.

– Обожаю морковку.

– Супер. – Она снова мне улыбнулась. – Меня Сэм зовут.

4. Мемориальный собачий пляж имени мэра Полларда

Некоторые отношения выходят за рамки подсознательно-го и переходят на молекулярный уровень. Как будто сами протоны притягиваются друг к другу, и как ни старайся, но эту недвижимую силу не победить. Мир молекулярной биологии полон загадок. Так что мешает людям, слепленным из молекул, отталкиваться? Логика? Воля? Тупые мозги?

А уж то, что они были тупыми, я знала прекрасно. Тупости в них было полно – в виде мыслей, привычек, дурацких идей.

С чего, например, я решила, что Эдгардо Родригес – самый горячий мужик, что я только встречала? Понимала же, понимала, что мы с ним несовместимы на том самом молекулярном уровне.

Я жалась к машине, делая вид, что ручка задней двери – самый интересный механизм на планете. В крови пульсировали накопленные за жизнь стыд и смущение, окрашивая шею в цвет клубничного варенья. Я подергала за ручку, молась, чтобы Эдди меня не увидел.

Этот цирк я устраивала, пока краем глаза не заметила, как он уходит. Тогда я вновь повернулась к нему.

О да, это был Эдди. Без вопросов. За десять лет он успел

вырасти в полноценного мужчину.

Даже ездил на гребаном внедорожнике.

Потупив взгляд, я поспешно обошла машину Сайруса и забралась на водительское сиденье. Пригнулась, уткнувшись головой между окном и рулем, и попыталась придумать оправдание своему безумному поведению.

«О нет! Шнурок развязался. Ну нет, Дель, так ехать нельзя. Безопасность превыше всего, а ты у нас аккуратный водитель!»

Я не видела этого парня – мужчину? – больше десяти лет, но Сильва-Миллер никогда не уступает своим врагам. Уж я-то знала. Лично опросила всех Сильв-Миллер, которых знала (то бишь себя), и все ответили одинаково.

И не потому, что я какой-то психопат со списком обидок. Просто я четыре года проучилась с ним в старшей школе и прекрасно знала, что на таких парней, как Эдди Родригес, на заправках не пялятся. Во многом потому, что если бы он об этом узнал, то напоминал бы потом постоянно. Он бы рекламный щит выкупил, памятную табличку на шоссе бы установил, чтобы увековечить этот момент (и мое унижение) на радость себе и будущим поколениям.

Пока я сгорала от стыда, прячась в чужой машине, всего две вещи не давали мне скатиться в полнейшую панику: во-первых, я изо всех сил пыталась стереть из памяти мысли о том, какие конкретно чувства вызвал во мне Эдди с его руками, татуировками, плечами и костяшками.

Во-вторых, Сэм.

Я отправила ей длинное сообщение, по большей части состоящее из «АшщывгащфаугоспоДИИИ» и взглянула туда, где стояла белая «Хонда», принадлежащая человеку, некогда бывшему проклятием всей моей жизни. И, пожалуй, самой безумной моей влюбленностью.

– Слава богу, – выдохнула я вслух.

Слава богу, Эдди уехал.

Его машина промчалась по мосту – последнему препятствию, отделяющему меня от родного города, – и миновала стелу на въезде. «Добро пожаловать в Эвергрин! – было написано на ней. – Иногда у нас солнечно, но зелено – всегда».

Я долго смотрела на стелу. Пока она не начала двоиться перед глазами.

Последние сутки наконец-то нагнали меня. Недосып обошел тело и поселился прямо в мозгу. Я сидела с открытым ртом, уставшая, как баран, и просто пялилась перед собой, как собака на ворота. Не могла шевельнуться. Не могла выехать на двухполосное шоссе и закончить, пожалуй, самое долгое путешествие в своей жизни.

Мои мысли металась между Нью-Йорком и Эвергрином, отскакивая от «Брэйнвейва» и обходя меня кругом, чтобы ударить под дых напоминанием, что *мне изменили*. Это было, конечно, обидно и сильно ударило по самолюбию, но волновало меня лишь одно: мои шутки.

Вдавив педаль в пол, я выехала с парковки, пересекла шоссе и свернула на выщербленную проселочную дорогу. Мне нужно было перевести дух, отойти от волны чистой, неразбавленной жизни, которая обрушилась мне на голову, прижав ко дну и раздробив кости в пыль. Ладони вспотели, а сердце будто бы разрасталось с каждым ударом, до предела наполнив грудь.

Грунтовка закончилась, но стоило мне неофициально сдаться и решить, что ничего хорошего от жизни можно уже не ждать, как я заметила среди зарослей камыша узкую тропинку, ведущую вверх по склону. Из кустов под углом в сорок пять градусов торчала покосившаяся металлическая табличка:

«Мемориальный собачий пляж имени мэра Полларда. Что принесли с собой, то и уносите».

Наконец-то. Место, где можно было перевести дух. Всегда можно было.

В детстве я частенько заходила на собачий пляж имени Полларда. Тысячи связанных с ним воспоминаний пронеслись в голове размытыми снимками: вот Ба тащит по песку сумку-холодильник, а ее соломенную шляпу треплет ветер; вот я несусь по пляжу и падаю, разодрав ладони и локти, а все ради того, чтобы спасти бордер-колли по кличке Сверчок; вот мы едим слегка влажные бутерброды с ветчиной и фокаччей, похрустывая песком, а мальтийская болонка выжидающе смотрит на меня, с каждым укусом подступая все

ближе.

Сбросив кроссовки, я вышла из машины и взбежала на холм.

В воздухе привычно пахло соленой затхлостью океанской бухты, солнцем и собачьей мочой. Солнечные лучи неустанно отплясывали на кобальтовом полотне раскинувшегося океана. Залив был спокойным и мелким, теплым для Атлантики в это время года. Вода манила ритмичным шепотом и сверкающим спокойствием.

Я стянула через голову майку и сняла штаны. Слабые волны шуршали по серо-коричневому песку пеной и не мешали войти в воду. Когда она добралась до подбородка и ноги оторвались от бархатно мягкого дна, я проплыла вперед, и вода под ногами обернулась льдом. Тогда я закрыла глаза, перевернулась на спину и подставила тело солнцу.

В мыслях раздался голос Ба: *«С ума сошла? Совсем сбрендила? Одна полезла купаться? Неужто жизнь не мила?»*

Перевернувшись, я набрала в легкие воздуха и нырнула в ледяную толщу воды.

Стуча зубами от холода, я выбралась на раскаленный песок и поняла, что высохну за минуту. Пока я выжимала из волос воду, под кучей одежды завибрировал телефон. Я подхватила его, попутно зачерпнув пригоршню песка, и приняла вызов.

– Чего не отвечаешь! – завопила Сэм в трубку. – Ты с ним

поздоровалась? А он с тобой?

Зажмурившись, я повернулась спиной к океану.

– Прости, заехала на пляж поистерить. Помнишь, я рассказывала, какой классный стендап вышел про Ингрэма?

– Да, вроде, – медленно и осторожно отозвалась она.

– Мне... мне кажется, я теперь не смогу шутить о наших отношениях. А на этом весь мой стендап строился, с которым я собиралась выступить на «Брэйнвайве». Весь сет коту под хвост. Просто... в мусор.

Сэм судорожно вздохнула, словно внезапно порезала палец.

– У меня же все шутки об этом. Какие мы разные, но вместе. Я вся такая, не знаю, нищая чудачка. А он – этакий хренов принц из Альберты. – Я пнула песок, но ветер подхватил его и швырнул обратно, пройдясь прямо по мокрым ногам. – И публика с каждым выступлением реагировала все лучше и лучше. Ну и говно. – Я надавила тыльной стороной ладони на глаза, сдерживая слезы. – Вот уж не ожидала, что все так закончится. Когда вселенная на меня обозлилась?

– Эй, эй! – поспешно перебила меня Сэм, заметно волнуясь. – Все будет хорошо. Ты профессиональный комик. У тебя шуток – на все случаи жизни. Ты постоянно придумываешь что-нибудь новенькое. Помнишь, помнишь, ты как-то... магазин так назвала, было очень смешно? Может, ее возьмешь? Про магазин шутку?

– Какую шутку? Про какой магазин?

– Ладно, забудь. Тогда как насчет материала, который ты подавала на фестиваль? Тебя же взяли! Вот его и используй!

– Все равно придется начинать с чистого листа. – Я повернулась к мосту, ведущему в город. Чисто технически стелу я уже миновала. – И опять в Эвергрине.

Этого Сэм хватило, чтобы докопаться до сути.

– Эдди тебя напугал.

Стиснув зубы, я схватила одежду и отряхнула ее от песка.

– Забудь про Эдди, Сэм. Мне изменил парень, и у меня нет работы. Я ночевала в машине.

– Да, ночевала, – медленно начала она, но постепенно в голосе проступила уверенность человека, чья работа состояла в нравоучениях. – А еще ты рассталась с паршивым парнем, которого давно должна была бросить. И ушла с паршивой работы. А еще наконец-то съехала от мерзкой соседки! И правильно сделала. Считай, все проблемы решила за последние сутки. Наслаждайся вторым шансом.

Я захлопала ртом, беззвучно покачиваясь от шока, и только потом сумела пролепетать:

– Вторым шансом?..

Иногда мне казалось, что Сэм стала психологом исключительно ради того, чтобы профессионально меня поучать. Она умела ласково вправить мозги, а-ля Лоретта из «Во власти луны»¹⁰. Хотя у меня пока и рука была, и невеста от меня

¹⁰ Лоретта из фильма «Во власти луны» (1987 г.) – это персонаж, который известен своей способностью влиять на других.

не уходила.

Хотелось сказать ей, что она не поймет меня, просто не сможет. Сэм росла в полноценной семье, и ей постоянно везло. Я любила ее всем сердцем; она была моим соулмейтом, моей сестрой, которой у меня никогда не было. Но слишком много в душе было мест, огороженных табличкой «Не беспокоить». Слишком темными они были, слишком неподъемными, и никакие ободряющие слова не могли вытащить их на свет.

Я предпочла сменить тему, чем лезть в эти дебри.

– Ну, наверное, официанткой смогу устроиться, – пробормотала я слабо.

– С работой потом разберемся. Сначала доберись до дома.

Вот только у Сэм не было времени «разбираться». У нее были ребенок, муж, карьера. Я все это время справлялась одна – неужели и дальше не справлюсь? В крайнем случае, всегда можно было остаться на собачьем пляже и ночевать в машине Сайруса до конца своих дней. Поджать хвост, который я хотела отрастить.

– Скоро увидимся, – пообещала я.

Из динамика раздался громкий поцелуй.

– Пока, подружка-сестренка.

Это обращение мы придумали на последнем году старшей школы. Как-то на уроке всему классу дали задание придумать одно слово, которым можно было бы описать нашего лучшего друга или подругу. Сэм остановилась на «сестрен-

ке», я – на «подружке».

– Пока, подружка-сестренка, – ответила я и повесила трубку.

5. Крестфоллен-лейн, 507

Эвергрин, расположенный в штате Нью-Джерси, со всех сторон окружала вода. Залив Малага на западе, Атлантический океан на востоке, а самый северный мыс приютил у себя маяк, окруженный государственным парком.

Двигаясь от маяка на юг, можно было заценить полное собрание самых примечательных мест моего детства – Эвергринский государственный исследовательский заповедник, где Талли Мартино сказал мне, что для девчонки я слишком высокая; набережную, где мы с Сэм каждые выходные делились подростковыми секретиками за куском пирога; кафе «Санторини», куда я устроилась подрабатывать, как только научилась выговаривать слово «маринара»; и закусочную «Пир-Поинт», где мы с Ба каждое воскресенье после мессы ели яичницу. Дальше шли Серф-Сити, Лонг-Бранч и, наконец, последний городок на всем острове: Бич-Парадайз, «райский пляж», где по иронии судьбы не было ни рая, ни пляжа.

Единственное, что связывало нас с южной половиной Нью-Джерси, – это мосты и бархатный кулак демократии. Весь Эвергрин состоял из болот, песка и полузатопленных причалов, покачивающихся на приливных волнах.

Я остановилась на светофоре. Улицы вокруг пульсировали пляжным августовским оживлением: веснушчатая босая

девчонка с густым хвостом светлых волос и сторевшими плечами проехала мимо на велосипеде, лениво оттолкнувшись ладонью от капота моей машины; туристы выгружали вещи на парковке «Бэй-Бриза», первого мотеля на острове, радушно ожидающего гостей; на ветру развевалась целая армия американских флагов, уходящая в бесконечность до самого океана. Я уже и забыла, всегда ли Эвергрин так ярко любил Америку, или просто застрял в похмельном ура-патриотизме, царящем в дни между Днем независимости и Днем труда. Город гудел своей песней, проникая в салон сквозь опущенное стекло.

Десять лет назад Эвергрин в основном состоял из ломбардов. Темные набережные освещались исключительно пиццериями с одинаковыми названиями – «У Джима», «У Джен», «У Джини». Теперь на месте пустующих домов красовались кафешки, квест-комнаты, корейские закусовые, пахнущие жареной курицей, и сувенирные лавки, славящие величие ветряных колокольчиков. С набережной доносилась музыка карусели – той самой, что простояла сломанной половину моего детства, и единственное, что там можно было найти, – это написанную от руки табличку «*Увидимся следующим летом!*» на заднице лошади с пустыми глазами. Видимо, кто-то наконец-то раскошелился на ремонт.

В детстве море было моей тюрьмой, и я мечтала о суше – мечтала жить на Большой земле, поближе к крутым магазинам и концертным площадкам, где выступали «Грин Дей».

Уж точно не в отсырелом раю для жалких преступников и преступно жалких.

Но теперь от бывшей дыры ничего не осталось. Эвергрин стал похож на настоящий город, куда можно было приехать прицельно, а не потому, что ехал грабить продуктовый и заплутал по пути.

«Может, и у меня получится притвориться, что я здесь по делу».

Стоило мне об этом подумать, как стоявшая на углу старушка в брючном костюме повернулась, и я увидела табличку в ее руках:

«Уверуйте во Христа!!! Птицы вперед!!!»

Ясно.

Мимо проносились разноцветные дома и мотели, старое красно-белое кирпичное здание на углу Брамблберри и Уошингтон, где ютился «Бильярд» – старейший кабаk Эвергринна, основанный в 1962-м. Пока меня не было, его чутка подлатали. Вскоре дорога свернула в песчаный тупик, и я остановилась у здания в форме буквы «Г», построенного вокруг парковки и бассейна. Внутрь вели рубинового цвета двери, а с вывески на меня улыбался херувим, надпись под которым гласила: «Квартирный комплекс “Бель Соль”».

Я вернулась домой.

Уже полностью сухая после купания, я тащила чемодан по деревянной лестнице, ведущей к квартирам второго этажа. По носу струился пот, и каждая крупинка соли и песка ощу-

щалась на разгоряченной чувствительной коже сущим адом.

– Сука. Твою мать. – Я заправила за ухо выбившуюся прядь распушившихся после купания волос. По щеке стекла капля пота, сорвалась и упала на незнакомый ботинок.

– Помочь? – прорычал сверху голос с сильным джерсийско-итальянским акцентом.

Я вскинула голову, щурясь на солнце, и увидела вылитого двойника Дэнни Де Вито, загорелого до цвета поджаренной сосиски. Он стоял, прикрывая глаза мозолистой ладонью, а из угла его рта торчала зубочистка. Я слабо представляла, чем он сможет помочь, учитывая, что я была в два раза выше, а про ширину и вовсе молчу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.